

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

THESIS

УДК 1.13.130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-584-591

Новая мифология: ответ на вызовы метамодерна

Рецова К.М.

Южный Федеральный университет,
Россия, 344000, г. Ростов-на-Дону, Днепроvский переулок, 116
E-mail: karinarecova@gmail.com

Аннотация. В современной социокультурной парадигме в качестве одного из доминирующего способов осмысления действительности выступает новая мифология. Осознание особенностей мифологического мышления позволяет объективно анализировать изменения, происходящие с индивидом и обществом. Несмотря на интерес к современной культурной динамике, феномен новой мифологии мало исследован и редко рассматривается как когнитивный базис. Цель данного исследования – анализ новой мифологии как ответа на потребности человека метамодерна в упорядочивании своей жизни в условиях разнонаправленных информационных потоков. Исследование проблемы позволило на примерах из социокультурной сферы выявить, как, встраиваясь в новые мифологические структуры, человек обретает идентичность и иллюзию социальной устойчивости. Полученные результаты вносят вклад в представления о формировании самоидентичности субъекта, особенностях его социокультурных взаимодействий и социальной реальности.

Ключевые слова: социальная философия, новая мифология, миф, метамодерн, символическая система, вызовы современности, метанарратив, архаизация, самоидентификация, осцилляция, социальная интеграция.

Для цитирования: Рецова К.М. 2021. Новая мифология: ответ на вызовы метамодерна. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 46(3): 584–591. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-584-591

New Mythology: Responding to Metamodern Challenges

Karina M. Retsova

Southern Federal University,
116, Dneprovsky Lane, Rostov-on-Don, 344000, Russia
E-mail: karinarecova@gmail.com

Abstract. In the modern sociocultural paradigm, a new mythology is one of the dominant ways of understanding reality. Awareness of the features of mythological thinking allows you to objectively comprehend and analyze the changes occurring with the individual and society. Despite the interest in contemporary cultural dynamics, the phenomenon of new mythology has been little studied and is rarely seen as a cognitive basis. The purpose of this study is to analyze the new mythology as a response to the needs of the metamodern man in ordering his life in the conditions of multidirectional information flows. The study of the problem makes it possible, using examples from the socio-cultural sphere, to reveal how, embedding in new mythological structures, a person acquires identity and the illusion of social stability.

The results obtained contribute to the idea of the formation of the subject's self-identity, the peculiarities of his socio-cultural interactions and social reality.

Keywords: social philosophy, new mythology, myth, metamodern, symbolic system, modern challenges, metanarrative, archaization, self-identification, oscillation, social integration.

For citation: Retsova K.M. 2021. New Mythology: Responding to Metamodern Challenges. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (3): 584–591 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-584-591

Введение

Тема мифологии в ее философском измерении берет начало в немецкой классической философии. Ф. Ницше рассматривал миф как основу культуры («Без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий характер природной силы: лишь обставленный мифами горизонт замыкает целое культурное движение в законченное целое» [Ницше, 1990, с. 149], Ф. Шлегель говорил о мифологии как об истоке философии («Обе философии, древняя и новая, исходят из веры — из мифа или догмы, как бы искусственного мифа») [Шлегель, 1983, с. 80], Ф.В.Й. Шеллинг указывает на мифологию как на посредствующее звено между поэзией и науками и в связи с этим формулирует мысль о необходимости создания новой мифологии [Шеллинг, 1966, с. 31]. Второе рождение в философии тема мифологии получила в начале XX века в трудах этнологов-философов К. Леви-Стросса [2006] (создание структурной антропологии, исследование мифологических систем), Л. Леви-Брюля [1930] (исследования логики мифа и первобытного мышления), Б. Малиновского [1998] (исследование мифа как социальной реальности и переживания эмоций) и других. Следующим витком исследований были труды М. Элиаде [1996] (происхождение мифа и его влияние на культуру), Ж. Лиотара [1998] (концепция социальной мифологии), Р. Барта [2008] (миф как символическая система), Д. Кэмпбелла [2018] (сравнительная мифология, секуляризация сакрального) и другие.

Говоря о классическом определении мифа, нужно отметить два основных типа этого понятия. Первый тип определений отсылает нас к нарративности мифа, его содержательной основе («сказание как символическое выражение некоторых событий, имевших место у определённых народов в определённое время, на заре их истории»¹, во втором типе определений акцент делается на том, как воспроизводит себя мифологическое сознание («Миф есть логическая, необходимая категория сознания и бытия вообще. Миф – не идеальное понятие, и также не идея и не понятие. Это есть сама жизнь» [Лосев, 1990]). В данном исследовании миф понимается именно в таком ракурсе.

Три ключевых отличия новой мифологии от архаической состоят в том, что:

- 1) новая мифология не тотальна (нет единой мифологической системы, которая покрывала бы все вопросы и давала исчерпывающие ответы);
- 2) содержание новой мифологии достаточно подвижно – в отличии от статичности архаического мифа;
- 3) новая мифология испытывает влияние других форм освоения действительности (таких как наука, искусство и религия), тогда как архаическая мифология не имела конкурентов в объяснении мира.

Общими у архаического и нового мифологического сознания являются характеристики мифологического мышления (коллективность, сакральность, отсутствие верификации, обращенность к эмоциональному восприятию) и функции мифа так такового.

¹ Философский энциклопедический словарь. 1997. Ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. М., ИНФРА-М, 574 с.

На сегодняшний день мифология преимущественно исследуется через призму языкознания и литературоведения, хотя для социальной философии так же представляет большой интерес, потому что показывает один из путей формирования самоидентичности личности и социокультурных взаимодействий внутри общества. Исследования новой мифологии дают представления о ценностных ориентирах индивида и способах их осмысления. При этом новая мифология как основной способ осмысления современной реальности остается малоисследованной. Цель данного исследования – выявить причины распространения мифологического сознания в современном обществе и показать какие вызовы современности приводят к этому.

В ходе работы над данным исследованием были использованы следующие методы: анализ теоретических источников по проблеме, сравнение, описание, включенное наблюдение. В начале работы рассматриваются социокультурные вызовы метамодерна, затем дается понятие современного мифа и феномена «новой серьезности», далее выявляются мифологические структуры в современном художественном творчестве.

Социокультурные вызовы метамодерна

Социокультурное состояние современного общества еще не получило устоявшегося определения. Часть исследователей считает, что мы до сих пор находимся в парадигме постмодерна, часть говорит о том, что даже он еще не в полной мере наступил. Существует ряд терминов, применяемых к современной эпохе – диджимодерн [Kirby, 2017], альтермодерн [Bourriaud, 2009], автомодерн [Samuels, 2008], мегамодерн [Кушнир, 2019], метамодерн [Akker, Vermeulen, 2015], гипермодерн [Lipovetsky, 2005], постпостмодерн, трансмодерн и т.д. Термин «метамодерн» представляется наиболее адекватно отражающим действительность по причине того, что его истоки наиболее близки к обобщенному социально-философскому осмыслению, в отличие от прочих терминов, делающих акцент на какой-либо одной части современности – цифровизации, глобализации и т.д.

Термин «метамодерн» ввели голландский философ Робин ван ден Аккер и норвежский теоретик медиа Тимотеус Вермюлен в эссе «Заметки о метамодернизме» [Akker, Vermeulen, 2015]. Под метамодерном ими понимается такой глобальный социокультурный процесс, который «характеризуется раскачиванием между типично модернистской приверженностью и отличительно постмодернистской отчужденностью» [Akker, Vermeulen, 2020] и одновременностью их использования.

Эта ситуация «раскачивания» или осцилляции порождает ряд экзистенциальных вызовов современному человеку (ранее можно было бы сказать «западному человеку»), но сейчас такое ограничение будет неверным, так как *осцилляция* присуща членам всех развитых обществ, имеющих доступ к средствам массовой информации и Интернету – не стали исключением и страны, которые ранее шли своим путем, в виду религиозных или политических приоритетов).

Среди вызовов можно назвать следующие: экологические проблемы, неуправляемость финансовой системы, неустойчивость геополитической структуры, цифровая революция, определение ценностей рынком, диктат массовой культуры и другое. Возникла кризисная ситуация, в которой мир стал видаться непредсказуемым, неупорядоченным, недетерминированным, ненадежным. Стремление сохранить свой жизненный замысел и не утратить самоидентичность побудило людей к переосмыслению реальности и поиску новых форм поведения [Гребенюк, 2019]. Кризисный период в культуре всегда является вызовом и обращает человека к архаичным формам кодирования мира. Именно такой формой и стало мифологическое сознание. Оно придает иллюзорную опору человеку метамодерна – объясняет непонятное, сакрализирует обыденное, упрощает сложное, солидаризирует социальные группы и способствует самоидентификации неясной самости современного человека.

Современный миф и «новая серьезность»

Новая мифология является интерсубъективной символической системой. Она представляет собой основу особых общностей, объединяет людей внутри них и обобщает и транслирует их обобщенный опыт представления о предметах. Таким образом через новую мифологию индивидуальное сознание приобщается к опыту другого и к универсальному горизонту опыта. Такое приобщение дает иллюзию понимания и социальной встроенности. Символические элементы, которыми оперирует мифологическое сознание, обозначаются через образы и представления, которые своей мишенью имеют психологический опыт человека, а отнюдь не его интеллектуальную сферу.

Современный миф – это система символов, продукт общественного согласия данной социальной группы или общества, отличающийся большой смысловой информативностью, которая носит конвенциональный характер и способствует упрочнению ценностной системы индивидов [Воеводина, 2011]. Такое упорядочивание ценностей является необходимой составляющей «прочного» положения человека эпохи метамодерна вследствие того, что в потоках разноречивых ценностных и социальных установок он теряет свою идентичность и вновь обретает ее лишь когда может солидаризироваться с какой-либо группой, которая транслирует определенный миф. Через приобщение к мифу человек находит свое место в иерархической и ценностной системе общества и может описать себя уже исходя из установок, которые он воспринял вместе с основными «постулатами» мифа.

Так рождается «новая серьезность» – стихийно зародившееся серьезное отношение человека к тем областям, которые его ранее не интересовали. В те эпохи, когда значение еще имели семейные, национальные или иные внешние идентификации, индивид гораздо меньше был озабочен общими проблемами человечества (такими как экологический кризис, дискриминация женщин или бодипозитив). И сейчас подобные проблемы, напрямую не касающиеся жизни индивида, актуальны лишь настолько, насколько через свою позицию по отношению к ним он может самоидентифицироваться («я – зоозащитник и веган», «я – феминистка», «я – ведическая женщина» и т.д.). Декларация полной серьезности в отношении подобных вопросов, которые по своей претензии на тотальное объяснение причин и следствий со всей очевидностью являются новыми мифами, считается едва ли не обязанностью их приверженцев. Надо отметить, что тут не стоит задача обесценить благие инициативы, которые родились из решения общих проблем человечества. Акцент хочется сделать именно на том, что зачастую решение серьезных вопросов и сам метод их актуализации является продуктом мифологического сознания.

Так зачем же человек метамодерна так цепляется за эти глобальные вопросы? Дело тут не только в проснувшейся сознательности, ответственности и доступности информации. Индивидуальное поведение возникает на основе универсальных шаблонов – серьезными кажутся вопросы, которые актуализируются в окружающей информационной среде посредством СМИ, блогосферы, инфлюенсеров и непосредственного окружения данного человека, которое в той же степени является жертвами универсальных шаблонов.

В условиях сложности верификации информации начинает атрофироваться сама эта функция, ведь гораздо проще примкнуть к идее или идеологическому движению «по велению души» и поддавшись харизме ее носителей, чем углубляться в вопрос в научном и историческом ключе, чтобы дать ему собственную оценку. Возникает соблазн репрезентовать понятия и апеллировать ими без их сущностного определения, что так же является признаком мифологического сознания. Жажда непременно иметь свою позицию относительно влиятельных современных мифологов – не что иное, как подсознательное стремление найти свою идентичность через них.

Иллюзия контроля и безопасности

Но не только естественному стремлению к самоидентификации способствует причастность к новой мифологии. Кроме этого, она закрывает еще одну фундаментальную

потребность человека – безопасность, которая связана с иллюзией контроля. Прежде всего новая мифология дает иллюзию понимания многообразия и противоречивости мира за счет сегментации общего массива знаний и представлений и выделения одного (или нескольких) из них в качестве основной объясняющей базы. Такой базой с равным успехом могут стать, например, древние писания, мотивация к успешной карьере, религиозные предписания или теория заговора. Общими для всех них являются следующие признаки: сакрализация знания, неотрефлексированность ценностной базы, неverifiedируемость постулатов, пропагандистская риторика и выделение последователей в отдельную «избранную» социальную группу. Причастность к такой группе дает ощущение своей иерархической встроенности в понятную картину мира со своими ориентирами, лидерами мнений и горизонтом желаемых достижений. Таким образом нивелируется экзистенциальный «зуд», и человек попадает в понятный и успокаивающий мир, несмотря на мифологическую основу последнего.

Такой мир не выдержал бы рациональной критики, если бы ей подвергся. Он полон ментальных гибридов [Майданов, 2014] – неестественных по гносеологическому качеству элементов, которые при этом образуют некую иллюзорную гармонию, что опять-таки составляет специфику мифологического сознания. Имеет место перепредмечивание объектов и явлений, когда восприятие, толкование и понимание тех или иных объектов и явлений принципиально отличается от их собственной природы [Майданов, 2014]. В мировоззрении отдельно взятого индивида могут сочетаться такие несовместимые по своей сути системы, как приверженность монотеистической религии, обряды бытовой магии и зависимость от психологических тренингов личностного роста. Даже сугубо научные знания при определенном монтаже встраиваются в мифологическую модель.

Мифологические структуры в художественном творчестве

Для художественного творчества метамодерна характерно использование таких нарративов, где сюжет строится на создании некоего отдельного мира, в котором часть характеристик совпадает с нашими привычными смысловыми категориями, а часть является плодом художественной фантазии. Характерная особенность таких миров – отсутствие привязки к линейному времени, а зачастую – и к привычному нам пространству. Этот мир существует в своем континууме, несоотносимом с нашим. Таким образом в ценностные ориентации человека проникают модели поведения вымышленных персонажей из мифологических миров. Появляется возможность ассоциировать себя с джедаем из «Звездных войн», представителем клана Старков из «Игры престолов» или одним из супер-героев Marvel Cinematic Universe. Важно отметить, что «кинематографическая вселенная Marvel» и позиционирует себя как «вымышленная вселенная», которая была создана путём соединения в общую сюжетную линию нескольких фильмов и сериалов с общими актёрами, персонажами и событиями. Причем с персонажами-новоделами в ней соседствуют и герои, которые являются прямым заимствованием из уже существующей мифологии. Например, Тор, образ которого взят скорее номинально и атрибутивно, вне прямой связи с германско-скандинавской мифологией. Массовая популярность кинопродукции Marvel является следствием возврата в сюжетные линии простоты мифологического дискурса, который только декларирует, но не объясняет.

Встраивание ирреальных мифологических структур бытует не только в кино. Те же процессы мы видим в рекламе, и в достаточно молодой, но мощно развивающейся блогосфере. Сам этос рекламы изменился – от прямого предложения товара и описания его достоинств, она перешла к созданию вовлекающего мифологического дискурса, в который с легкостью встраивается потребитель этой рекламы. Свою целевую аудиторию таргетированная реклама находит с помощью характеристик и интересов потребителя – то есть через его включенность в ту или иную современную мифологию, каждая из которых являет-

ся релевантной определенной группе рекламируемых товаров или услуг. Если же рассматривать блогосферу, то можно увидеть, что популярные блогеры с миллионом и более подписчиков являются носителями и трансляторами мифологических идей, спектр которых более чем обширен и последние десять лет активно подвергается научным исследованиям.

Социокультурная ситуация метамодерна раскачивает человека между «истинами», и он, плавая на волнах бесконечно потребляемого контента, прибывает то к одному, то к другому берегу. Поиск «истины» или определяющей концепции становится так же неизбежен, как и осознание бесконечности этого поиска. В «Заметках о метамодернизме» Тимотеус Вермулен и Робин ван ден Аккер делают отсылку к кантовскому «негативному» идеализму и пишут, что «человечество, народ в действительности не движутся к естественной, но неизвестной цели, но притворяются, будто движутся к ней, так чтобы развиваться нравственно и политически. Метамодернизм движется ради самого движения, пробует, несмотря на неизбежный провал; бесконечно ищет истину, которую никогда не ожидает найти» [Akker, Vermeulen, 2010]. Необходимость такого поиска – один из главных вызовов метамодерна, его процесс формирует индивида.

Возврат метанарратива

Прогнозы Лиотара о том, что новое праязыческое сознание будет состоять из микронарративов, тогда как метанарративы утратят свое влияние [Лиотар, 1998, с. 10], не оправдались. Сегодня микронарративы существуют преимущественно в контексте метанарративов, а последние переживают период расцвета. Следуя за логикой Лиотара, который связывал их с дискурсами господства [1998, с. 49] и стратегиями подавления, нужно отметить, что сегодня они не несут этих характеристик и приверженность им является свободным выбором индивида. Как и миф, метанарратив «является комплексным типическим образом, который задает обществу необходимые этические, эстетические, культурные и технологические критерии, позволяющие его структурировать, исходя из особенностей доминирующего субъекта» [Подорога, 2018].

Как отмечал А.М. Пятигорский¹, нам очень сложно освободиться от тонких мифологических структур. Он называл миф общей неотрефлексированной основой, которая нужна нам для познания, но «поскольку она неотрефлексированная, является тормозом нашего познания и самопознания каждое мгновение нашей жизни». Так же он предостерегал об опасности общих отработанных терминов, привычное употребление которых избавляет от необходимости думать над ними и четко определять их содержание. Какие бы сегменты не имела новая мифология, все они требуют тщательной рефлексии. Безусловно, невозможно быть полностью свободным от мифологического сознания и воздействия мифологем, но осознавать их и рефлексировать над ними – условие здравого существования в современном мире.

Заключение

Рассматривая мифологическое сознание в качестве доминирующего в эпоху метамодерна, мы исследовали миф с различных сторон – как интерсубъективную символическую систему, как поиск новой серьезности и как индивидуальный акт самоопределения. Показали, каким образом ирреальные мифологические структуры

¹ Пятигорский А.М. 2006. Мифология и сознание современного человека. Лекция. Стеннограмма. Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 04.09.2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/430> (дата обращения: 10.05.2020).

проникают в повседневность и как осциллирующее движение метамодерна превращает их в «новые истины». Выявили три ключевых отличия новой и архаической мифологии. Обозначили важность рефлексии по отношению к ним.

Тема может быть расширена за счет выделения типов современных мифологем и их социально-философского анализа. Так же интересным представляется наряду с мифологией рассмотреть и другие признаки потребности современного человека в упорядочивании жизни в условиях неустойчивой социокультурной ситуации метамодерна.

Список литературы

1. Аккер Р., Вермюлен Т. 2015. Заметки о метамодернизме. *Metamodern*. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 27.04.2020).
2. Аккер Р. 2020. Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма. М., РИПОЛ классик, 342 с.
3. Воеводина Л.Н. 2011. Миф как символическая система. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 6 (44): 39–44.
4. Гребенюк А.А. 2019. Культурно-исторический анализ переживаний человека эпохи метамодернизма. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 8-1 (26): 326–330. DOI: 10.26140/anip-2019-0801-0081
5. Кирби А. 2017. Смерть постмодернизма и то, что после. *Metamodern*. URL: <http://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism> (дата обращения: 27.04.2020).
6. Кушнир Ж. 2019. Метамодерн как система транслируемых интеркультуральных смыслов. *Интертекст*, 3/4 (51/52): 82–92.
7. Кэмпбелл Д. 2018. Тысячеликий герой. СПб., Из-во «Питер», 520 с.
8. Леви-Брюль Л. 1930. Первобытное мышление. М., Атеист, 340 с.
9. Леви-Строс К. 2006. Мифологии. Т. 1. Сырое и приготовленное. М., ИД «Флюид», 399 с.
10. Лиотар Ж. Ф. 1998. Состояние постмодерна. СПб., Алетейя, 160 с.
11. Лосев А.Ф. 2001. Диалектика мифа. М., Мысль, 558 с.
12. Майданов А.С. 2014. Малый органон мифологического творчества. *Философская мысль*, 2: 71–162. DOI: 10.7256/2306-0174.2014.2.11070
13. Малиновский Б. 1998. Магия, наука и религия. М., Рефл-бук, 304 с.
14. Ницше Ф. 1990. Рождение трагедии из духа музыки. В кн.: Ф. Ницше. Соч.: В 2 т., Т. 1. М., Мысль, 829 с.
15. Подорога Б.В. 2018. Понятие метанарратива в философии Жана-Франсуа Лиотара: кризис Просвещения и альтернатива постмодерна. *Полилог*, 2 (3): 6.
16. Шеллинг Ф.В.Й. 1966. Философия искусства. М., Мысль, 496 с.
17. Шлегель Ф. 1983. Эстетика. Философия. Критика. В 2-х томах. Том 1. М., Искусство, 479 с.
18. Элиаде М. 1996. Аспекты мифа. М., Academia, с. 240.
19. Bourriaud N. *Altermodern explained: manif esto*. URL: <https://www.tate.org.uk/whats-on/tate-britain/exhibition/altermodern/altermodern-explain-altermodern/altermodern-explained> (дата обращения: 28.04.2020).
20. Lipovetsky G. 2005. *Hypermodern Times*. Cambridge, Polity Press, 150 p.
21. Samuels R. 2008. *Auto-Modernity After Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education. Digital Youth, Innovation, and the Unexpected* (ed. T. McPherson). Cambridge, MA: MIT Press: 219–240.

References

1. Akker R., Vermuylen T. 2015. Notes on metamodernism. *Metamodern*. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (accessed: 27.04.2020) (in Russian).
2. Akker R. 2020. *Metamodernizm. Istorichnost, affekt i glubina posle postmodernizma. [Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism]*. M., RIPOL klassik, 342 p.

3. Voevodina L.N. Mif kak simbolicheskaja sistema [Myth as a symbolic system]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 6 (44): 39–44.
4. Grebenyuk A.A. 2019. Cultural and Historical Analysis of the Human Experiences of the Era of Metamodernism. Azimuth of Scientific Research: Pedagogi and Psychology, 8-1 (26): 326–330. DOI:10.26140/anip-2019-0801-0081 (in Russian).
5. Kirby A. 2017. The Death of Postmodernism and Beyond. Metamodern. URL: <http://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism> (accessed: 27.04.2020) (in Russian).
6. Kushnir Zh. 2019. Megamodern kak sistema translirovemyh interkul'tural'nyh smyslov [Megamodern as a system of transmitted intercultural meanings]. Intertext, 3/4 (51/52): 82–92 (in Russian).
7. Kempbell D. 2018. Tysyachelikiy geroy. [Tysyachelikiy geroy]. SPb., Publ. Piter, 520 p.
8. Levi-Bryul' L. 1930. Pervobytnoe myshlenie. [Pervobytnoye myshleniye]. M., Publ. Ateist, 340 p.
9. Levi-Stros K. 2006. Mifologiki. T. 1. Syroe i prigotovlennoe. [Mythology. Vol. 1. Raw and cooked]. M., Publishing House "Fluid", 399 p.
10. Liotar Zh. F. 1998. Sostoyanie postmoderna. [The State of Postmodernity]. SPb., Aleteyya, 160 p.
11. Losev A.F. Dialektika mifa [Dialectic of Myth]. M., Publ. Mysl, 558 p.
12. Majdanov A.S. 2014. Malyj organon mifologicheskogo tvorchestva [Small organon of mythological creativity]. Filosofskaja mysl', 2: 71–162. DOI: 10.7256/2306-0174.2014.2.11070
13. Malinovskiy B. 1998. Magiya, nauka i religiya. [Magic, science and religion]. M., Refl-buk, 304 p.
14. Nitsche F. 1990. Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki. [The birth of tragedy from the spirit of music]. In: F. Nietzsche. Works in 2 volumes. Vol 1. M., Publ. M., Publ. Mysl, 829 p.
15. Podoroga B.V. 2018. The Concept of Metanarrative in Jean-FRANÇOIS Lyotard's Philosophy: Crisis of Enlightenment and Postmodern Alternative. Polylogos, 2 (3): 6 (in Russian).
16. Shelling F.V.Y. 1966. Filosofiya iskusstva. [Philosophy of Art]. M., Publ. Mysl', 496 p.
17. Shlegel' F. 1983. Estetika. Filosofiya. Kritika. [Aesthetics. Philosophy. Criticism]. In 2 volumes. Volume 1. M., Publ. Iskusstvo, 479 p.
18. Eliade M. 1996. Aspekty mifa. [Aspects of the myth]. M., Academia, 240 p.
19. Bourriaud N. Altermodern explained: manifesto. URL: <https://www.tate.org.uk/whats-on/tate-britain/exhibition/altermodern/altermodern-explain-altermodern/altermodern-explained> (accessed: 28.04.2020).
20. Lipovetsky G. 2005. Hypermodern Times. Cambridge, Polity Press, 150 p.
21. Samuels R. 2008. Auto-Modernity After Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education. Digital Youth, Innovation, and the Unexpected (ed. T. McPherson). Cambridge, MA: MIT Press: 219–240.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рецова Карина Мишаевна, аспирант кафедры социальной философии Южного Федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karina M. Retsova, Postgraduate Student, Department of Social Philosophy, Southern Federal University, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Rostov-on-Don, Russia